

ПРОБЛЕМЫ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОДА педагогической коммуникации

Александр Александрович Мурашов,
профессор Гродненского университета,
доктор филологических наук, г. Гродно,
Республика Беларусь

В общении учителя и класса немалую роль играет так называемый невербальный язык. Это те аспекты речи, которые слушатель воспринимает ещё до того, как услышал первые слова. Учителю важно помнить: невербальный коммуникационный код не всегда поддаётся логическому контролю и «выпрямлению», он связан непосредственно с подсознанием, а потому изучать его можно лишь как некий объект, но не как предмет возможных изменений. Между тем такой язык — реальная возможность «читать» собеседника (ученика, коллегу) и вести с ним диалог без ошибок логического посредника, каким являются языковые знаки, часто скрывающие истинные намерения и чувства собеседника.

- невербальный язык • экстра- и паралингвистика • мимика и жесты
- реагирующее внимание

Язык коммуникации — невербальные аспекты

А. Пиз подчёркивает: «Каждый жест подобен одному слову, а слово может иметь несколько различных значений. Полностью понять значение этого слова вы можете только тогда, когда вставите это слово в предложение наряду с другими словами. Жесты поступают в форме «предложений» и точно говорят о действительном состоянии, настроении и отношении человека»¹. А значит, овладев «слова-

¹ Пиз А. Язык телодвижений / А. Пиз. — Новгород, 1992. — С. 22.

ми» этого «языка», педагог сможет значительно интенсифицировать коммуникативные послы и увеличить ресурсы общения с классом. А. Вемь, многозначительно снабжая свою книгу по языку тела подзаголовком «О чём умолчал Аллан Пиз», напоминает: «...Самые разные внешние признаки, такие как выражение лица или направление взгляда, помогают нам догадаться о чувствах других людей и об их намерениях по отношению к вам»². Не всегда осознаваемые, но неизменно «прочитываемые» вымученная улыбка при произнесении слов одобрения, сомкнутые «замочком» руки в момент, когда звучит

² Вемь К. Язык жестов — оружие победителя / А. Вемь. — Питер, 2008. — С. 9.

объяснение, ручка, которую мы нервно теребим в руках, пока на вербальном уровне формируем образ «близкого собеседника», скажут об истинных интенциях и возможностях говорящего, когда слова образуют плотную и, казалось бы, непроницаемую маску, под которой эти интенции трудно осмыслить.

Важным элементом взаимодействия учителя и класса может оказаться невербальная передача информации: от «языка» темпа и тембра речи, мимики и жестов, то есть паралингвистического и экстралингвистического контекстов слов, зависит от 55% до 92% воспринимаемого смысла, — разные исследователи дают различные цифры, но можно смело утверждать, что больше половины. Невербальный «язык» так же не может обходиться без перевода, как и язык словесный. Другое дело в том, что перевод этот делают не всегда, да обычно он и не нужен: школьники подсознательно разгадывают наши намерения и мысли по жестам и мимике (экстралингвистика), по характеристикам произношения и силе голоса (паралингвистика).

Ф.А. Кузин в книге «Современный имидж» сообщает о тонкостях этикета, различающихся в национальных культурах. Так, в Англии пожимают руки лишь при знакомстве. К незнакомым людям, не будучи представленным, обращаться там не следует. О жестах в ресторане скажем отдельно, поскольку их перевод абсолютно чёткий и однозначный для британцев: «Когда вы хотите дать знать официанту, что не намерены больше есть, положите нож и вилку параллельно... Если же вы ещё не кончили есть, а просто делаете передышку, положите нож с вилкой крест-накрест. Этот жест означает “не уносите мою тарелку”»³.

Во Франции мысли собеседника обычно не скрываются, но невербалика сохраняет значение. Например, рукопожатие мужчин сохраняет смысл приветствия, но статус человека снижается, если на нём одежда из синтетических материалов (это также элемент невербалики). Выбирая цветы для подарка, во Франции исключают хризантемы: они являются символом скорби, и незнание этого

³ Кузин Ф.А. Современный имидж... — М.: Ось-89, 2002. — С. 93.

«перевода» может испортить самую приятную встречу.

Средство общения — не только вербальный код, передающий информацию и сближающий «я» как разные концептуальные системы. Важным элементом взаимодействия считается невербальная передача информации. Невербальный язык так же не может обходиться без перевода, как и язык словесный. Так, два пальца руки ладонью от себя, показывающие букву «V», с которой начинается слово «Victory» — победа, был популярен в оккупированной фашистами Бельгии, а вслед за тем и во Франции; в Марселе, где этот знак рисовали на стенах домов, за него полагалось наказание. Но его «перевели» с визуального кода на музыкальный — буква «V» в азбуке Морзе соответствовала трём точкам и тире, что напоминало начало Пятой симфонии Бетховена. Можно ли наказывать человека, насмивающего эти звуки, за нелояльность к оккупационным властям, ведь Бетховена принято было любить в Германии? Если же этот знак демонстрируется, когда ладонь обращена к себе, — он имеет оскорбительный смысл. Так, в Мексике этот знак, производимый возле носа, переводится оскорбительно и непристойно. И важно было правильно интерпретировать его, то есть обратить внимание на то, куда обращена ладонь его демонстрирующего. Победитель конного шоу в Великобритании в 1971 году был дисквалифицирован, так как судьи, которым он показал знак «Victory», «Победа», истолковали его как раз по-другому. Жест, известный как «фига», в разных странах имеет различный «перевод» — с ним знакомит Дж. Фоли, автор «Энциклопедии знаков и символов». Так, в Бразилии этот жест является пожеланием удачи; во Франции «фига» — жест, несущий сексуальное оскорбление; в Португалии он «служит охранным знаком». Жесты, истолковываемые как «да — нет», в Болгарии прямо противоположны

нашим (то есть «да» — покачивание головой из стороны в сторону; «нет» — кивок); в Иране согласие выражается наклоном головы вперёд, а отрицание — отдёргиванием головы назад. Различный «перевод» в разных культурах имеет «кольцо» — знак из большого и указательного пальцев, выражающий одобрение (Окей); в этом значении жест был известен ещё в XVII столетии. Между тем в Парагвае и Бразилии он оскорбителен; во Франции его смысл — «ничего не стоящий»; в Японии это символизирует деньги; в Тунисе выражает угрозу. А выражение приглашения? Итальянец, когда зовёт кого-нибудь, манит пальцами, опустив ладонь вниз. Японец при том же положении руки делает «расчёсывающее» движение пальцами. В России ладонь при этом обращена вверх. Можно лишь представить себе итальянца, который решил по-своему голосовать, чтобы остановить машину на российском автобанае. Картина получилась бы колоритная: у шоссе стоит человек, который отвёл в сторону руку с поднятым большим пальцем.

В невербальном общении, даже при знании различных картин мира и особенностей менталитета, имеется «не переведённый» и непередаваемый пласт, при самом тесном сближении народов, при детальном взаимном изучении их этнопсихологического облика остающийся неосвоенным. Ю.М. Лотман, изучавший взаимодействие социокультурных характеристик разных народов и стран, констатирует: «Столкновение русского западника с реальным Западом, как правило, сопровождалось столь же трагическим разочарованием, как и столкновение их противников с реальной русской действительностью»⁴. И так же различны семиотические «картины мира» представителей разных культур, как все их социокультурные характеристики. Разумеется, эволюция культурная («перевод») познаётся через эволюцию языковую; однако не менее важны возможные метаморфозы

⁴ Лотман Ю.М. Семиотика культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. — Таллинн: Александра, 1992. — Т. 1. — С. 118.

невербальной коммуникации, изменения в этой семиосистеме, в степени её имплицитного слияния с подсознательным, открывающим прямую дорогу к личности, не опосредованной языковыми сигналами.

Чтобы оценить значение невербальных коммуникативных моделей для педагогического общения, рассмотрим дефекты невербальной коммуникации, препятствующие общению, когда слова, напротив, изо всех сил стараются организовать и поддержать диалог. Такие дефекты — это хмурое лицо учителя, входящего в класс; неорганизованность его взгляда и речи, отсутствие зрительного контакта с каждым школьником, размещение на расстоянии, исключающем продуктивное деловое общение. Сравним ситуацию из классики — капитан Лебядкин (Достоевский, «Бесы») приходит к Ставрогиним:

Известно, что самое главное страдание всех подобных господ, когда они каким-нибудь чудным способом появляются в обществе, составляют их собственные руки и ежеминутно создаваемая невозможность куда-нибудь прилично деваться с ними. Капитан замер на стуле со своею шляпой и перчатками в руках и не сводя бессмысленного взгляда своего со строгого лица Варвары Петровны. Ему, может быть, и хотелось бы внимательнее осмотреться кругом. Но он пока ещё не решился. Марья Тимофеевна, вероятно найдя фигуру его опять ужасно смешною, захохотала снова, но он не шевельнулся. Варвара Петровна безжалостно долго, целую минуту выдержала его в таком положении, беспощадно его разглядывая.

(Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 тт., т. 8. — М., 1982. — С. 168.)

Резко противоречащее продуктивной коммуникации «разглядывание», которое применила Варвара Петровна, — спокойная и презрительная агрессивность по отношению к Лебядкину, что подчёркивается специфической реакцией на специфическую

же фигуру Марьи Тимофеевны, не умеющей скрыть эмоций. Педагогические интенции взгляда, мимики и жеста, умение принимать мимическую маску — такие же средства общения, как и слово. Конечно, лишённые возможности передавать тончайшие нюансы мысли и чувств, доступные языку, но лишённые и возможности языка... скрывать истинные чувства! Наш традиционный язык изначально рационален, он включает стандартизированный набор знаков. Невербальный «язык» более импульсивен и зависим от индивидуальных физиологических особенностей каждого из коммуникантов. Однако близость невербальных сигналов в разных концептуальных личностных системах позволяет утверждать, что и мимико-жестико-коммуникативные проявления человека обнаруживают аналогии, объединяющиеся как в символы, так и в символические знаки; и эти знаки точно воспринимают ребята, а значит, для достижения коммуникативного эффекта педагогу важно владеть этим языком, управлять им.

Язык мимики и жестов — внутренне, биологически присущий индивиду и репродуктивно усвоенный им в социальном опыте контекст общения. В.М. Бехтерев пишет:

Гордость выражается выпрямленным и вытянутым вверх положением тела, что, по личной оценке, соответствует стремлению стать выше других. Подавляющее известие или состояние, именуемое «горем», выражается понурым видом, что, по личной оценке, соответствует принижённому состоянию. При боязни стан человека как бы съёживается, что соответствует, по личной оценке, стремлению избежать опасности. Радость характеризуется подъёмом энергии и двигательным оживлением во всём, до прыжков включительно... Грусть выражается малоподробностью и общим двигательным расслаблением...

(Бехтерев В.М. Объективная психология. — М., 1991. — С. 371–372.)

Обратим внимание: есть «компенсирующие» жесты и мимические маски, при которых человек держит себя противоположно тому, как на самом деле себя чувствует. Чем более театральны мимика и жест, тем отчётливее они противопоставлены состоянию человека, и это

ощущает класс: скрывают своё «Я» тогда, когда учителем владеют смятение и неуравновешенность. Возможность прятать одни элементы этого кода за другими, компенсировать и деформировать их подтверждает, что мы имеем дело с системой, предполагающей хоть и ограниченный, но достаточно устойчивый набор базовых компонентов.

Роль невербального общения в обучении

А.Ф. Кони подчёркивал, что лектор «должен быть в достаточной мере освещён: лицо говорит вместе с языком». Причём зачастую говорит больше, чем язык: текст изложения, записанный на диктофон, воспроизводится намного менее точно, чем тот же текст, рассказанный учителем в классе!

Е. Карнович в романе «Царевна Софья Алексеевна» говорит о беседе Софьи с выборными людьми стрельцов, пришедшими судить о православной вере и правлении в государстве.

Следуя советам Голицына, царевна велела, чтобы на завтра были у неё в хоромах выборные от всех стрельцких полков. Они явились, и царевна вышла к ним, окружённая сёстрами и боярами.

— Ужели вы променяете нас на шесть расстриг и предадите поруганию православную церковь и святейшего патриарха? — Сказав это, царевна приложила к глазам ширинку и громко заплакала.

— Стыдитесь, вы отборное стрельцкое войско, а якшаетесь с глупую черню, которую мутят побродяги. Или хотите, чтобы я ушла от правления? Так что же, я уйду! — Слёзы молодой царевны, её вкрадчивый голос и складная речь сильно повлияли на выборных.

— Нет, государыня-царевна, не хотим, чтобы ты уходила от правления! — заговорили они. — За старую веру мы не стоим, она не нашего ума дело. \... \ Обласканные и награждённые, а потому и чрезвычайно довольные царевною возвратились выборные в свои слободы и приняли отдалять своих товарищей от раскола, но рядовые стрельцы с негодованием слушали их внушения.

— Посланы вы были говорить о правде, — упрекали они выборных, — а говорите неправду, пропили вы нас на водках и на красных винах.

(Карнович Е. Царевна Софья Алексеевна. — М., 1994. — С. 113.)

Стрельцы так и не сказали наболевшего, а подлинная причина неожиданной всеобщей смятенности и растерянности, приводящей к расколу, — вкрадчивый голос, складная речь и женские слёзы. Та пара- и экстралингвистика, которая должна была нести подлинную информацию. Софья превосходно справилась со своей ролью.

«Когда суровый час войны настанет...» — пели герои советского фильма, улыбаясь и воодушевлённо поднимаясь при этом, словно в здравие. Налицо было явное несоответствие вербального и невербального в ситуации. Просто в фильме изначально звучала табуированная впоследствии строка «Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин...», чьё имя приветствовалось взлётом бокалов. Ханжеское изменение текста привело к очевидной нелепости: пришлось радостно приветствовать... «суровый час войны».

Учителю важно не только слышать школьников, но и «читать» их по мимике и жестам, определяя, насколько они правдивы, насколько стало их личным, принятым ими то, о чём они говорят. Не по словам, а по жестам игроков в рулетку героиня Ст. Цвейга («Двадцать четыре часа из жизни женщины») определяет их характеры. Э. Сепир подчёркивает:

«Жест — это нечто гораздо большее, чем движения рук и других видимых и способных двигаться частей тела. Интонация нашей речи может с таким же успехом обозначать отношения и чувства, как и сжатые кулаки, взмах руки, пожатие плеч или поднятие бровей. Область жестов постоянно взаимодействует с собственно языком»⁵. Во время первой встречи с классом, когда ещё не отработаны основные приёмы невербального взаимодействия со школьниками, даже при идеальной отработанности словесных, педагог может испытать неловкость — не находит места рукам, «прячется» за стол, боясь быть видимым (а это был бы коммуникативный оптимум) с головы до ног. Жест — не помощник речи, а канал информации, передающий более половины всех сведений о человеке, предмете, идее. Важно организовать систему мимики и жестов таким образом, чтобы они помогали, а не препятствовали общению, способствовали осуществлению речевого мастерства педагога, когда жест не будет лишним, а мимика не войдёт в противоречие сказанному.

У Г. Троепольского существительное «зимний дуб» учительница смогла понять, лишь когда сама побывала на поляне, которую ученик упрямо воскрешал в этом словосочетании, называя «существительным». Она решила посмотреть на мир его глазами, применив приём децентрации. Такой приём помогает общению. Для того чтобы им овладеть, важно, отойдя в сторону, «надеть» мимико-жестикуляционную маску собеседника, просто спросив себя: «А что я думал бы на его месте?» Приняв ещё и выражение его лица, воспроизведя жесты, мы узнаем о нём больше, чем из слов. Это знаменитый в имиджелогии и НЛП приём «отзеркаливания», когда человек в целях лучшего понимания другого и наиболее полного взаимодействия с ним копирует его мимику и жесты, оставляя тому подсознательную убеждённость в его, собеседника, коммуникативном лидировании.

⁵ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. — М., 1993. — С. 211.

Не меньшую важность в общении составляет умение применять приём физиогномической (выражение лица) и речевой (манера говорить) редукции, изучая вербальные и неречевые проявления другого и следуя им, завоёвывая внимательного слушателя и последователя. Личность познаётся, если войти в её внутренний мир и принять его как свой, — со всеми атрибутами, а главное — через эти атрибуты, сделав их наиболее зримой системой понимания другого человека. Это важно усвоить педагогу, который стремится развивать коммуникативные характеристики.

«Кому первому придётся отдать честь?» — задумал Александров, и тотчас же из узкого переулка навстречу ему вышел артиллерийский поручик. Александров тотчас же быстро приложил руку к бескозырке. Но артиллерист, мило улыбнувшись, принял честь и сказал:

— Опустите руку, господин юнкер. Ну что? Я ошибаюсь или нет? Вы сегодня принимали присягу? Правда?

— Так точно, господин поручик. Как вы могли узнать?

— Ах, очень просто. По выражению лица. Я как увидел вас, так и сделал себе такое же лицо, и сразу подумал: вот такое выражение было у меня после присяги. И даже в том же милом Александровском училище. Ну, желаю вам всего хорошего. С богом!

Они крепко пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

(Куприн А.И. Сочинения. В 2-х томах. — М.: Художественная литература, 1981, т. 2. Романы; Рассказы. — С. 81.)

А. Пиз подчёркивает: «Если вы хотите установить полное взаимопонимание со своим подчинённым и создать непринуждённую атмосферу, единственное, что вам нужно сделать, это скопировать его позу, и вы добьётесь цели»⁶. Но поза собеседника не столь важна, тем более для учителя, как мимика и речевая редукция. Это уникальный случай причинно-следственной контаминации: следствие — само по себе — может оживить и вновь вызвать причину! Так, экстралингви-

стическое уподобление (редукция) меняет настроение и самоощущение. В августе 1833 года Пушкин, возвращаясь из Арзрума, сделал остановку во Владикавказе, где нашёл новые журналы. Поэт вспоминает:

Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать её вслух. Пушкин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством... Требование Пушкина показалось мне так забавно, что досада, произведённая на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца.

(Пушкин А.С. Собр. соч., т. 6. — М., 1978. — С. 476.)

Ещё не сказав слова в незнакомом классе, мы формируем мнение аудитории, которая, согласно Аристотелю, выступает в этом случае «судьёй», о наших собственных возможностях, способностях и недостатках. По мимике и жестам читают состояние человека — именно маскообразная бесстрастность Робеспьера, мешавшая заглянуть в его душу, держала в повиновении Конвент. Именно чёрные очки торговцев жемчугом, препятствующие возможности наблюдать за их зрачками, могут сбить с толку партнёра, лишённого в этом случае информации, велика ли предлагаемая цена — или вполне соответствует товару. И, если учитель, брезгливо поёживаясь, вызывает к доске извечного двоечника, тот, даже выучив материал, едва ли на должном уровне изложит его: педагогу необходимо научиться формировать и во взгляде оптимизирующую установку, а формулируя проблему, мимикой и жестиком подчёркивать возможность её успешного разрешения. **НО**

⁶ Пиз А. Язык телодвижений / А. Пиз. — Новгород, 1992. — С. 197.